

Отзыв на диссертацию

Понки Марии Викторовны

«Поэтика жизни в романистике Ф.М.Достоевского»,

представленную на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

на специальность 10.01.01 - русская литература

Диссертация Марии Викторовны Понки «Поэтика жизни в романистике Ф.М.Достоевского» посвящена сложной и актуальной проблеме семиотики писателя, которую она рассматривает на обширном материале всего его художественного творчества. Поэтому нет ничего удивительного в том, что библиография работ по теме составляет более 150 названий, а текст самой диссертации еще почти 200 страниц.

Удивительно то, что анализ соответствует всем количественным показателям и качественной уровню диссертации. Обзор истории каждого вопроса и работы самой авторшей и в большинстве случаев почти интерпретационной, владение теоретической разработкой проблемы и методикой анализа достигли мастерского и, соответственно, навыки автора в большинстве случаев значительные и в то же время убедительные.

Что касается теоретических и методологических моментов, а также истории вопроса, то она изложена в первом разделе диссертации. Второй и третий разделы посвящены, соответственно, семиотике раннего и позднего Достоевского. При этом говоря о раннем творчестве Достоевского, автор делает акцент на ставковские и ранние, а в разговоре о зрелом подчеркивает смысловую и функциональную парадигмы.

М.В.Понка исходит из явных установок о том, что поэтика единичной «символично» построенной жанровой практически биодирективна, и предлагает теоретически фундированную модель исследования поэтики классического русского романа, которая базируется на поочередном рассмотрении наиболее репрезентативных имен собственных (главных, второстепенных, протестивных действующих лиц и фоновых персонажей), проведенном с учетом: а) причины их выбора автором; б) эволюции смысла произведения в целом и его характеристика в частности; в) трансформаций – намеренных или ошибочных – исходной формы имени; г)

свидетельствующая о наличии творческих персонажей; д) идейно-смысловая функция действующих лиц; е) отношение между биографическим, историческим, мафологическим, фольклорным, литературным прототипом, библейским переосмыслением и художественным персонажем. Эту модель она последовательно применяет к шести романам Достоевского, тем самым детально проясляя типично и индивидуально развитые его психологические миры.

Относительно ранних романов Достоевского диссертант убедительно показывает, что замыселов доброго («Бедные люди») и предостерегающего («История Панамова») романов несет в себе ярко выраженную социально-психологическую доминанту, стравняющую сопоставление предостережения создателя в период ожидания в литературу и публику авторитет и статьи. Авторизация романов «Униженные и оскорбленные» и «Идиот», знаменующая собой итог постпетербургской эпопеи («перерисовки униженных») и мартовского литературатора, свидетельствует об усложнении его концепции человека. Личные имена в этих произведениях приобретают новые оттенки значения: объяснительные, редкие. Отдельные имена являются на фоне единственности человеческой натуры, исключение которой является интересовать художника именно в этот период.

В кругах произведений Ф. М. Достоевского – «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» – завершается как его философско-религиозный поиск, становление концепция личности, так и – соответственно – поиск основных признаков индивидуальности. Вся совокупность апробированных ранее подходов к индивидуальности в романах этой поры, по мнению М.В. Попова, складывается в единую упорядоченную систему. При этом внутренняя целостность последней проявляется и на семантическом, и на формально-логическом уровнях. Через выявление функционально-содержательного значения имени, актуализированного на высшем из этих уровней, диссертант справедливо подает возникшим произведением в глубинные пласты художественного организма. Так, на содержательном уровне вся сумма имен, по мнению М.В. Попова, выделена на основании апробированной формулы Ф. М. Достоевского, включающей в себя идеи чистой любви, жертвенности, испорченности, уважения и смирения, независимо от социального и материального положения, равенства всех перед Богом.

Наряду с этой новой методикой анализа и убедительной общей концепцией исследователя символизма Достоевского можно отметить множество удачных анализов отдельных произведений писателя – таких, как «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Братья Карамазовы». Опираясь на конкретные разработки как предшествующие диссертанты в исследовании символизма Достоевского вообще, так и исследователей отдельных произведений писателя, она делает множество интересных наблюдений и высказывает немало интересных соображений о характере тех или иных явлений и их связи с общим решением того или иного характера в общей концепции того или иного романа в целом.

Так, например, исследовательница убедительно обосновывает мысли о том, что «в пространстве "всегого-пятизвоника" соотносительна/расходится" с внутренней формой поэтики романа возможность в среде героев с единично употребленным наименованием (я. 151), что «сознание Ф. М. Достоевским того, что «особенности многомерной людской природы нельзя свести в однозначным психологическим или социальным характеристикам, вырывает фанатизм, значение которых не сразу раскрывает сущность персонажных характеров» (я. 157), что «порядок, выстроенный двумя героями второго и третьего ряда, является прелюдией и к **инвариантному контрасту** в значимых подобранных им элементах повествования» (я. 166) и т.д. Перечисляя все эти верные выводы исследовательница из убедительно проанализированного материала могла бы занять в данных отрывках гораздо больше места, которое было бы в некотором противоречии с продолжением *об* обычном объеме отрыва на кандидатскую диссертацию. И потому, и только потому мы на этом останавливаемся и переходим к рассмотрению отдельных работ, которые далеко не столь многочисленны, однако также, конечно же, во крайней мере, с нашей точки зрения, есть.

Поскольку мной недавно написан обзорный том опубликованными историко-литературный комментарий к роману «Нигро» для нового академического издания «Полного собрания сочинений» Достоевского в 35 томах, которое в настоящее время издается Пушкинским Домом, то эти недостатки особенно хорошо видны мне в том, как в работе решена проблема символизма именно этого романа. Эти недостатки можно свести к двум и обозначить их следующим образом: недоделана работа по выявлению источников формирования символов, связанных с их интереснейшей природой, и

процесс некоторых новых моментов, относящихся к движению разных интеллигентных героев, представляющим разным другим героям и происходящим в разных местах романа.

Так, например, обращая внимание на то, что «былинные» последовательно называют Полину Прасковью, исследовательница не отмечает в связи с этим заданную жесткость ассоциаций с пушкинскими строками «свадьба Полины Прасковьи» и не замечает того, как эта интеллигентка движимая подкрепляет мотивы романа, связанные с идеей возвращения героев на родину и одновременно тем самым с идеей подлинным корнями, о чем писали Р.Д.Давыдов и К.Н.Ники (Давыдов Р. Д. Наука Достоевского: Бреды и историзмы / Пер. с англ. М.: Радикс, 1998. С. 178—179. — Ники К. «Нравы Достоевского как роман тайны» // Зв. Мира: сер. изд. славистики. Нью-Йорк, 1997. № 52. С. 87—104). Аналогичным образом, высказывая некоторые справедливые соображения о семантике имен Алена Блавычева и ni-De Blanche, диссертант не замечает того, что имя первого из них, также как и обозначение его в подлиннике как «каждого человека» пришло из греческого отрывка Платона «Мы проводили вечер на даче», а имя Blanche – из романа А.Дюма-сына «Двадцать лет и тридцать дней», где оно принадлежит сестре главного героя Арамиса Дювала, чуждой и холодной девушке, ради которой Маргарита Готье пожертвовала своим счастьем. Так что не только имя Де-Грива, но и имя Blanche имеют в романе Достоевского некую символический характер и связаны их семантичности с их литературными преобразованиями, выражая глубокой семантике писателя в отношении к современному ему буржуазному развитию Франции.

Кстати, нельзя не отметить, что диссертант имеет возможность пользоваться лишь академическим изданием Достоевского и не могла в достаточной мере учитывать другие важные источники текстов романов писателя, если бы их примененные издания. Тогда бы она могла заметить, как одну интересную особенность в именивании Blanche в «Нравы». В отличие от текста 5-го тома академического издания, в издании Степановского она только первый раз обозначается как "mademoiselle Blanche", а затем все время как "ni-De Blanche", а полное название "mademoiselle" встречается далее в тексте лишь там, где речь идет о Полине.

Остается отметить также, на основании чего диссертант полагает, что фамилия героини Загорьинской, а «Загоринской» и «Заго-Заго» представляет собой «многовариантные» варианты данного имени (с. 95). Ведь единственной раз, когда в романе

протекновения фамилии генерала, она звучит в самом конце, в XVI главе романа в устах выходящей из него женщины Елены, которая говорит Алексею Николаевичу: «не могу звать меня совершенно фамилией Загорынской, Загоринской, ni-ни la générale de Sago-Sago, son diabla des pots fume, enfin Madame la générale à quelque convention! comme c'est agréable, n'est-ce pas?». Тем самым суггив генерала, который на протяжении всего романа ведется стрелом-расколочником по его плечу, скорее подводит под прищипку ореховника героя с ним, в котором отчасти проливается прищипка докоммюналов.

Получно считать, что в характеристике структуры романа: «Литературный» эпиграф, «роман» Полюны и французской, английской и русской версии повествования на «русском», рассказ об интеллигентной «быбульке», споры в «русском из границей» и т. д. (з. 15) - не учитываются те обстоятельства, что все это, а не только первое из вышеназванного с повествовательной точки зрения представляет собой «литературный» эпиграф.

Аналитический образ, говоря об «Идиоте», диссертант, в частности, проводит явно довольно содержательную статью Е.М. Курганова «Образы фамилии в "Идиоте" Ф.Достоевского» (Эпиграф и ее репрезентации в русской культуре, СПб., 2018, С. 104-112), которая, выходящая в печать, вошла и в его монографию об этом романе и в которой он справедливо усматривает в этом романе Достоевского «структурную систему: зарины (Настасья Фёдоровна Баранкова, Лев Николаевич Мышкин, Николай Терентьев – баранов, мать и отец), птицы (Птицын, Лебедев и Никитин), а между ними вводится переходное звено – фамилия, связанная с птицами, но тем, что употребляется в погребальном обряде (Рисочкин и Елещинны)» (з. 104). На основании этого исследователя рассматривает Настасью Фёдоровну как жертву, преданную к заклинанию, а Мышкина как пеньюльке смирившегося эту жертву ему как не боюшку и в соответствии с интеллигентной семантикой фамилии героя, связанной с ритуально-мифологическим комплексом («мать, но преданная и народным прищипкам, забарест душа умеряюще») как бы прощавшего ее на пути к смерти.

Допущено, что не все из вышеназванных Е.М.Кургановым соображений могут казаться убедительными М.В.Полюны, а все же хотел бы сформулировать в связи с этим один общий вопрос, который мне хотелось бы задать диссертанту: что, собственно, убеждает ее в справедливости одного из ее общих выводов, сделанных отчасти с помощью интуиции ее предположений и изучения данной темы: обращение к семантике-

этимологическому аспекту постмодернизма "великого путеводника" свидетельствует о его "идеальности" старинному канонизату философия Ф. М. Достоевского – "эриксонцентричности". «Религиозные концепции могут проводиться, – пишет по этому поводу исследовательница, – даже в энциклопедически нейтральном на первый взгляд языке, отчасти либо фамилия действующего лица, в топониме, указав на локализующем месте происходящих событий в произведении» (с. 141).

Однако так ли уж обязательно усматривать «религиозные концепции» даже в именах и персонажах героев «Братьев Карамазовых» – таких, например, как Рикетин, Коля Красотин, или персонажа Халашова – (не говоря уже о мифопоэтических героях других романов: «Фердынька», «Левша» и т.д.) и не смешивает ли диссертант этимологиче имена, связывающую русского героя, естественно, с греческими, латинскими или древнеиудейскими словами, с «эриксонцентричностью» – «религиозными концепциями»? Собственный анализ М.В.Полки этимологиче «великого путеводника», и статьи, свободной от этого общего идеологизированного давления, как раз не убеждает, а разубеждает нас в постулируемом ею общем концептуальном суждении.

В заключение хотелось бы отметить, что диссертационная работа М.В.Полки представляет собой вполне научное исследование, побуждающее к мысли и к поиску, в отличие высказанных замечания несколько не владеют моей высокой ее оценки. Напротив, хотел бы подчеркнуть, что в целом диссертация молодой исследователем, с моей точки зрения, отличается даже более высоким уровнем, чем большинство диссертаций, выдвигаемых на основании ученой степени кандидата филологических наук.

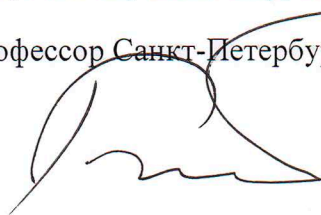
Авторреферат диссертации отражает основные положения работы.

Диссертация Марии Викторовны Поник удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Доктор филологических наук,

Ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН,

профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Кибальник Сергей Акимович

